

УДК 811.51/930.85

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-14-23

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ТЮРКОЛОГА АХМЕТА ТЕМИРА

© Искандер Гилязов

NEW FACTS FROM THE BIOGRAPHY OF TURKOLOGIST AHMET TEMIR

Iskander Gilyazov

The article deals with new sources from the Archives of the Humboldt University in Berlin, which allow us to present in detail the defense procedure of the famous turkologist Ahmet Temir's thesis. Ahmet Temir entered the University of Berlin in 1936 and studied there for nine semesters. His thesis was ready by the spring of 1941. In particular, the article presents what documents were submitted by the applicant to the university, what reviews were written on his thesis, and how he passed the oral examination. German researchers confirmed the high scientific quality of Akhmet Temir's thesis, which, in their opinion, besides having a serious linguistic base, was also truly innovative research, deserving high praise and setting new trends in Turkology. This peer-reviewed study was supported by experienced scholars. The thesis was submitted for defense in the very first phase of World War II; so, the political and military events had an impact on the defense procedure, as well as on the prospect of the thesis publication, which was eventually published only long afterwards, in 1956. The procedure itself included two stages - an oral examination and a public defense of the thesis - and lasted for two whole years - Ahmet Temir received his Ph.D. degree only in July 1943.

Keywords: Ahmet Temir, Turkology, University of Berlin, thesis defense, Old Turkic language

В статье речь идет о некоторых новых источниках из архива университета им. Гумбольдта в Берлине, позволяющих детально представить процедуру защиты диссертации известным тюркологом Ахметом Темиром. Ахмет Темир поступил учиться в Берлинский университет в 1936 году и обучался здесь в течение девяти семестров. Его диссертация в целом была готова к весне 1941 года. В статье представлено, какие документы были поданы соискателем в университет, какие рецензии были написаны на его диссертацию, как он сдавал устный экзамен. Немецкие исследователи подтвердили высокое научное качество диссертации Ахмета Темира, которая, по их мнению, имела не только серьезную языковую базу, но и стала по-настоящему новаторским исследованием, заслуживающим высокой оценки. Опытные ученые поддержали рецензируемое исследование. Диссертация была представлена к защите в самый первый этап Второй мировой войны, и политические и военные события в целом оказали свое влияние на процедуру защиты, а также и на перспективу публикации диссертации, которая в итоге была опубликована лишь много времени спустя, в 1956 году. Сама процедура включала в себя два этапа – сдачу устного экзамена и публичную защиту диссертации – и растянулась на целых два года – диплом доктора философии Ахмет Темир получил только в июле 1943 года.

Ключевые слова: Ахмет Темир, тюркология, Берлинский университет, защита диссертации, древнетюркский язык

Для цитирования: Гилязов И. Некоторые новые факты из биографии тюрколога Ахмета Темира // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. №2 (76). С. 14–23. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-14-23

Имя Ахмета Темира (1912–2003), выдающегося ученого-тюрколога, достаточно хорошо известно не только узкому кругу специалистов – в последние десятилетия в Татарстане проводились мероприятия, посвященные его памяти, из-

давались статьи и книги, о нем не раз рассказывалось в средствах массовой информации [1], [2], [3], [4], так что компетентному и любознательному читателю оно знакомо не понаслышке. В публикациях затронуто немало самых разных

этапов его извилистой и непростой биографии, в том числе и период его пребывания в Германии в 1930 – начале 1940-х гг., где он занимался научной работой. И сам ученый в воспоминаниях довольно-таки подробно рассказал о некоторых фактах своей общественной и научной деятельности в Германии в то время [5].

Когда я занимался изучением феномена коллаборационизма в годы Второй мировой войны, мне довелось обратить внимание на фигуру Ахмета Темира, тем более что в начале войны Германии против Советского Союза он был тесно связан со многими представителями татарской эмиграции и коллаборационистами и даже вовлечен в некоторой степени в ту авантюру, которую Германия развернула в 1941–1942 гг., создав в составе вермахта Восточные легионы, в том числе и легион «Идель-Урал» из представителей народов Поволжья и Приуралья [6].

Некоторых достоверных источников в моем распоряжении на тот момент не было, поэтому в своих публикациях я допустил досадную неточность, говоря о научной деятельности Ахмета Темира, и отметил, что свою диссертацию он защитил 17 июня 1941 г. в Гамбургском университете. Как оказалось, не в Гамбургском университете и не 17 июня... Именно эта оплошность и стала определенным толчком для написания данной статьи, тем более что некоторое время назад мне довелось поработать в архиве университета им. Гумбольдта в Берлине и обнаружить там новые и весьма любопытные материалы, которые практически во всех деталях представляют «эпопею» с защитой диссертации Ахметом Темиром.

Именно этот сюжет хотелось бы мне осветить в этой публикации.

Но для общего представления немного предварительной информации о том, каким образом и почему Ахмет Темир оказался в Германии в самый темный период ее истории. Представить это лучше всего на основе его собственных воспоминаний.

После своего прибытия, фактически бегства, из СССР в Турцию в 1929 г. Ахмет Темир обучался в Стамбуле и Анкаре. Вполне естественно, что он тесно общался со своими земляками, проживавшими и работавшими в этой стране. Среди них особо выделяю Акдеса Нимета Курата и Рашита Рахмати Арата, которые имели опыт обучения в немецких университетах. Можно уверенно полагать, что это общение и подтолкнуло молодого ученого к мысли отправиться в Германию для продолжения учебы, так как немецкая школа тюркологов и монголоведов имела богатую историю и высокий авторитет в научном мире.

В июле 1936 г. Ахмет Темир прибыл в Берлин. До октября месяца он посещал языковые курсы при Высшей школе по изучению зарубежных стран, которая являлась подразделением Берлинского университета, а 6 октября стал студентом философского факультета университета, где и обучался в течение девяти семестров. Основным направлением его учебы являлась тюркология – тюркские языки и история. Однако научные интересы молодого ученого были достаточно широки: судя по его воспоминаниям, в разное время он посещал, например, такие курсы, как «Введение в венгерское языкознание» и «История венгерской литературы» (профессор Юлиус Фаркаш), «Государство и общество в России» (профессор Ханс Юберсбергер), «Происхождение и распространение славян» (профессор Макс Фасмер), «Турецкий язык» (профессор Рихард Хартманн), «Уйгурский язык» (профессор Вальтер Бьоркманн) [5, с. 165].

Особую роль в научной карьере Ахмета Темира, в том числе и в защите им диссертации, сыграли два видных немецких исследователя – Аннемари фон Габейн и Рихард Хартманн.

Аннемари фон Габейн (1901–1993) (см. о ней подробнее: [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13]) была одним из крупнейших тюркологов и синологов Германии еще в довоенное время. Она активно занималась турфанскими рукописями, ее докторская диссертация была посвящена древнетюркскому языку и защищена в 1939 г. А. фон Габейн являлась автором многочисленных публикаций по истории и языкам народов Центральной Азии. Любопытно отметить, что в годы Второй мировой войны она как языковед проводила исследовательскую работу среди советских военнопленных. В результате в 1945 г. в Лейпциге была издана ее монография «Узбекская грамматика» [14].

Уже по окончании войны А. фон Габейн имела серьезные проблемы из-за ее лояльности к режиму (она состояла в нацистской партии с 1939 г.). Однако решением президиума Прусской Академии наук от 11 июля 1945 г. она была оставлена в составе Академии как один из «уникальных и фактически незаменимых» специалистов, тогда как многие члены этого учреждения были вынуждены покинуть его в процессе денацификации послевоенной германской науки. В случае с А. фон Габейн было подчеркнуто: «оставить на службе Академии, чтобы она сохраняла немецкую науку, но при условии, что она будет обязана заниматься исключительно своей научной деятельностью» как «специалист по ряду языков, знание которых в мире встречается крайне редко и имеет первостепенное значение» [15, с. 29–30].

В послевоенные десятилетия А. фон Габейн работала в Гамбургском университете и опубликовала немало фундаментальных тюркологических исследований [16], [17], [18], [19]. Уже в новейшее время одна из ее работ была опубликована в русском переводе [20].

Ахмет Темир, познакомившийся в А. фон Габейн летом 1937 г., в своих воспоминаниях привел важнейшие факты из ее биографии и очень высоко оценил ее роль в развитии науки, отметив, что именно она укрепила его в решимости и далее заниматься тюркологией. «Хотя она и не была турчанкой, но она умела думать по-тюрки по каждому вопросу, потому что она была серьезным ученым, любившим тюркский мир, испытывавшим бесконечную любовь к его языку и в то же время знавшим все методы западной науки», – написал он о Марьям-апа (так тепло и дружески именовали А. фон Габейн многие турецкие исследователи) [5, с. 170].

Рихард Хартманн (1881–1965) – авторитетный немецкий арабист и исламовед (см. о нем: [21], [22]). До 1936 г. работал в университетах Лейпцига, Кёнигсберга, Гейдельберга и Гёттингена, а с 1936 г. в Берлинском университете. В своей исследовательской карьере занимался широким кругом самых разных проблем, таких как происхождение исламской мистики, история мамлюков в Египте, ранняя история ваххабизма, общие вопросы истории ислама, возникновение и эволюция турецкого национализма и пр. [23], [24], [25], [26], [27].

Отмечу также, что Р. Хартманн, как и А. фон Габейн, в годы Второй мировой войны в некоторой степени оказался связан с советскими военнопленными – правда, не с исследовательскими, а больше с политическими целями: он стал одним из организаторов и преподавателей школы военно-полевых мулл в Дрездене (об этой школе см.: [6, с. 313–316], [28]; о роли Р. Хартманна в деятельности этой школы см.: [29, с. 335]).

После поступления в Берлинский университет Ахмет Темир посещал занятия Рихарда Хартманна по арабскому и турецкому языкам. Очень коротко и емко описал он его в своей книге: «Вспоминаю его как настоящего профессионала, относящегося к нам чисто по-отечески, и как он с пожелтевшими от табака усами читал нам произведение „Сорок визирей“» [5, с. 174].

Вернемся теперь непосредственно к защите диссертации Ахметом Темиром. Она состояла из двух этапов – сдачи устного экзамена и собственно защиты.

В начале 1939 г., согласно его воспоминаниям, А. Темир обсудил с Аннемари фон Габейн перспективы написания диссертации. Она пред-

ложила работу над темой «Наречия в древнетюркском языке». К этой теме склонялся и сам диссертант. Но после некоторой ее проработки и углубления в нее он все же сам решил изменить тему исследования и назвал ее «Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen» («Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке»). «Таким образом, я пошел по пути исследования и изучения науки со свободной мыслью, без какого-либо давления или приказа» – так сам Ахмет Темир оценил свое решение о начале работы над темой [Там же, с. 194].

К весне 1941 г. работа над диссертацией была завершена, А. Темир был готов к ее защите. Для получения степени доктора он должен был обязательно пройти две стадии – устный экзамен и собственно защиту. Разница между двумя стадиями у А. Темира составила почти два года.

4 апреля 1941 г. декан философского факультета Берлинского университета Херманн Грапов¹ обратился с официальным письмом на имя министра науки, воспитания и народного образования Бернхарду Русту и ректора университета Лотара Кройца с просьбой о допуске гражданина Турции Ахмета Темира к получению степени доктора философии. Очевидно, что в Германии того времени существовала определенная общая процедура в этих вопросах, поскольку в обращении делается ссылка на указ от 15 марта 1938 г. о допуске иностранцев к сдаче экзаменов и защите диссертаций. Декан предложил удовлетворить заявление и сообщил, что Темир обучался в университете в течение девяти семестров [30, л. 363].

В тот же день декан Х. Грапов отправил оригинал заявления А. Темира на разрешение об оплате взноса за сдачу устного экзамена Аннемари фон Габейн с просьбой выразить мнение об этом [Там же, л. 364]. А. фон Габейн довольно быстро отреагировала на просьбу декана и одобрила за-

¹ Херманн Грапов (1885–1967) – крупный немецкий египтолог, специалист по древнеегипетскому языку. С 1938 г. профессор Берлинского университета. С июня 1940 г. декан философского факультета. С весны 1943 г. проректор и одновременно до 1945 г. вице-президент Прусской Академии наук. Состоял членом НСДАП и активно участвовал в партийной жизни. В процессе денацификации после 1945 г. он объяснял свою политическую активность как «борьбу с режимом для защиты науки». В послевоенной Германии тем не менее не подвергся серьезным репрессиям. В 1947 г. был одним из основателей Института востоковедения Немецкой Академии наук в Берлине, который возглавлял с 1956 по 1962 г., а в 1953 и 1959 гг. даже стал лауреатом национальной премии ГДР [15, с. 32–33].

явление А. Темира – 7 марта декан сообщил об этом куратору университета [Там же, л. 365].²

Некоторое время заявление А. Темира рассматривалось в Министерстве науки, воспитания и народного образования и 22 апреля 1941 г. было министерством одобрено, о чем заявителю сообщил декан Х. Грапов 3 мая [Там же, л. 367].

Первая, формальная часть пути, связанная с официальными разрешениями, как видим, была пройдена довольно быстро.

7 мая 1941 г. декан вновь обратился к А. фон Габейн – на этот раз с предложением стать рецензентом диссертации – и отметил при этом, что, согласно предписанию ректора, только в случае получения диссертантом оценки по меньшей мере «хорошо» он будет освобожден от оплаты взноса за сдачу устного экзамена [Там же, л. 368]. 11 мая А. фон Габейн поблагодарила декана за «оказанное доверие» и сообщила о своем намерении обсудить это тотчас с профессором Рихардом Хартманном, которому была предложена роль второго рецензента [Там же, л. 369].

20 июня 1941 г. Ахмет Темир написал заявление на имя декана философского факультета с просьбой принять его диссертацию на тему «Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке» к защите. Он отметил, что все необходимые для этого документы он представил и просил допустить его к сдаче экзамена по предметам «тюркология» и «монгольский язык», а в качестве дополнительного предмета назвал «китайский язык» [Там же, л. 355]. Для сдачи экзамена и допуска к защите, кроме всего прочего, кандидат должен был принести своеобразную «клятву», что А. Темир сделал в тот же день: «Под присягой заявляю, что я написал диссертацию на тему „Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке“ самостоятельно и без неразрешенной посторонней помощи, и клянусь, что нигде больше она не предложена для защиты, а также заверяю, что ни части ее, ни диссертация целиком нигде не опубликованы» [Там же, л. 356].

К заявлению была приложена короткая автобиография кандидата [Там же, л. 357], в которой перечислены в целом известные факты – год и место рождения, учеба в Турции, прибытие в Германию, поэтому выделяю здесь только некоторые, заслуживающие внимания моменты. Ме-

стом своего рождения А. Темир назвал Эльмет (современный Альметьевск) с припиской «Казанская губерния. Поволжье», причем школу, в которой он обучался, назвал «турецкой», а не татарской.

Примечательно, что после прибытия в Германию он, по его словам, «по поручению господина имперского министра воспитания и руководителя Высшей школы по изучению зарубежных стран» преподавал татарский язык. Позднее «это поручение было передано на факультет изучения зарубежных стран», где он работал лектором татарского языка.³

В тот же день, 20 июня 1941 г., Аннемари фон Габейн представила на факультет развернутую рецензию на диссертацию Ахмета Темира [30, л. 358–360].

В рецензии особо отмечается оригинальность и значимость работы молодого исследователя, который «исследовал все неопубликованные рунические надписи и турфанские рукописи и нашел необходимым для характеристики введения в предложения исследовать все союзы, а также и выражения, связывающие слова». Рецензент отметила в качестве достоинства диссертации фактическое открытие А. Темиром факта, что «древнетюркский язык, язык надписей, использует очень малое количество союзов, которые выражаются в нем через отглагольные существительные (*Verbalnomina*? – *И. Г.*) в косвенном падеже». По мнению А. фон Габейн, «древнетюркский язык, в отличие от многих современных диалектов, педантично внимателен в различии между законченными глагольными формами и конвербами (незаконченные формы глагола. – *И. Г.*), совершенно правильно и важно, что господин Темир рассмотрел кроме отдельных слов и целые конструкции: первая часть его работы содержит чисто описательно все встреченные им введения в предложения, связующие слова, вместе со всеми их конструкциями в структуре предложений. Во второй части кандидат основательно исследует отдельные слова. Он приводит другие диалектные формы и их значение и упоминает прочие функции союзов (чем те, которые рассматривались в первой части) с целью максимально ясно представить природу каждого этого слова. При наличии он подтверждает примерами слов из монгольских или тунгусских диалектов».

² Должность куратора существовала в немецких университетах до 1945 г. Куратор являлся официальным представителем министерства науки и осуществлял надзор за деятельностью университета, в особенности за финансовой деятельностью и персоналом.

³ Две названные А. Темиром структуры юридически относились к Берлинскому университету – *Ausland-Hochschule* (Высшая школа по изучению зарубежных стран, до 1940 г.) и *Auslandwissenschaftliche Fakultät* (Факультет изучения зарубежных стран, с 1940 г.). См. об этом: [31].

«Вся работа господина Темира, – отметила рецензент, – выполнена с основательностью и критичностью. В стремлении ничего не упустить он рассматривает и то, что выходит за рамки темы».

В качестве не принципиальных недостатков работы А. фон Габейн выделила два: во-первых, то, что «иногда господину Темиру сложно отличить типичное и обычное от случайного» (и это было связано с тем, что немецкий язык для диссертанта не являлся родным), во-вторых, недостаток, связанный с характеристикой работ предшественников: диссертанту «не удавалось порой ясно представить мнение авторов, которых он хотел процитировать и представить отличие их позиций от его собственной».

Резюмируя свою рецензию, А. фон Габейн подчеркнула, что А. Темир «выполнил полезную работу, которую в будущем не может обойти вниманием любой, кто будет заниматься введением в предложения, или же, в общем плане, соединениями, природой и происхождением придаточных предложений в тюркских языках. На его представление можно абсолютно положиться, оно обосновано, точно или критично. Его выводы проницательны, и при этом осторожны и в большинстве своем могут считаться убедительными». В качестве итоговой оценки рецензент предложила поставить «хорошо».

Пятница, 20 июня 1941 г., оказалась для А. Темира очень насыщенной – в тот же день появилось официальное уведомление об экзамене на соискание докторской степени. Для этого существовал типографский распечатанный стандартный формуляр с конкретными пунктами [Там же, л. 361].

В документе отмечено, что «кандидат Ахмет Темир подал заявление на сдачу экзамена по предмету: „тюркское языкознание и монгольский язык“». К нему были приложены автобиография, письменная гарантия кандидата, что «он написал диссертацию самостоятельно без посторонней помощи, больше нигде не представил ее на рецензию, и ни диссертация, ни ее части не были опубликованы».

Пункт «Регистрация об окончании (или полицейская справка об окончании учебы)» подтверждал, что «кандидат во время подачи ходатайства еще числится обучающимся».

Отмечено было также, что приложены к уведомлению свидетельства об учебе (аттестат зрелости), об окончании лицея Хайдар-паша Стамбул от 3 февраля 1936 г., сдаче квалификационного экзамена по латинскому языку в Высшей школе по изучению зарубежных стран 29 марта 1938 г.

В документе сообщалось, что А. Темир в течение девяти семестров обучался в Берлинском университете, в результате чего написал диссертацию на тему «Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке».

В резолюции на уведомление декан Х. Грапов просил профессоров А. фон Габейн и Р. Хартманна «оценить диссертацию и поставить соответствующую оценку», хотя, как мы видели выше, положительная рецензия А. фон Габейн в тот же день уже была представлена на факультет.

На следующий день, в субботу, 21 июня 1941 г., куратор университета известил декана Х. Грапова, что своим циркуляром от 14 июня министр науки, воспитания и народного образования «разрешил покрыть все взносы за экзамен гражданину Турции Ахмету Темиру». Правда, эту новость сам Темир узнал из сообщения декана только 25 июня [Там же, л. 370–371].

26 июня 1941 г. свою рецензию на диссертацию представил Рихард Хартманн. Он отметил научную смелость и старательность ученого, взявшегося за сложную тему из области тюркской грамматики и создавшего в итоге «крепкую основу для дальнейших исследований». Сложность поставленной проблемы он видел в том, что «грамматическая терминология в области тюркологии отнюдь не однородна и, более того, находится в чрезвычайно быстром движении».

Заключая свою рецензию, Р. Хартманн подчеркнул: «Господин Темир продемонстрировал в своей работе качества, которые я ценю в нем особенно: большое усердие, настоящая научная добросовестность, неспешность и рассудительность в суждениях. Результат, основанный на очень хороших знаниях, несомненно, способствует решению проблемы». Рецензент считал работу достойной оценки «хорошо» [Там же, л. 362].

17 июля 1941 г. состоялся устный экзамен. В составе комиссии были два рецензента – Аннемари фон Габейн, Рихард Хартманн, а также профессор Эрих Хэниш.⁴

Устный экзамен был весьма содержательным и сложным, фактически Ахмет Темир сдавал его по трем дисциплинам: «тюркология», «синология» и «монголоведение». Судя по протоколу, ему были заданы различные вопросы, прежде всего прочтение и интерпретация текстов на раз-

⁴ Хэниш, Эрих (1880–1966), известный китаевед и монголовед, в 1932–1945 гг. профессор Берлинского университета. После войны работал в Мюнхенском университете. Исследовал китайско-монгольские двуязычные памятники, был авторитетным специалистом по истории средневековых Китая и Монголии. См. о нем: [32].

личных языках – уйгурском, китайском и монгольском. За каждую «часть» экзамена выставлялись отдельные оценки: за тюркологическую соискатель получил оценку «очень хорошо», за китайскую – «хорошо» и «удовлетворительно», за монгольскую – «хорошо». В итоге экзаменаторы пришли к мнению, что в целом за устный экзамен А. Темир достоин общей оценки «очень хорошо» [30, л. 363]. Любопытно, что в книге воспоминаний сам А. Темир называет в качестве даты сдачи устного экзамена 17 июня [5, с. 195], хотя в документе от 4 апреля 1942 г. он приводит дату 17 июля [30, л. 372].

Так для А. Темира завершился первый этап на пути к получению степени доктора философии.

В довоенной Германии для получения степени доктора необходима была публикация текста диссертации, однако с началом Второй мировой войны данное условие было отменено, достаточно было распечатать несколько ее экземпляров и предоставить декану [5, с. 194]. Понятно, что такое изменение правил значительно облегчило А. Темиру прохождение процедуры защиты. Однако уже после защиты он приложил определенные усилия, чтобы издать диссертацию в виде книги.

В том же самом фонде Архива университета им. Гумбольдта, кроме источников, связанных с защитой диссертации, отложились и документы, которые представляют и этот любопытный сюжет. И вот какая картина при этом вырисовывается.

Судя по всему, А. Темир после устного экзамена взял некоторую паузу в научной работе, которую в воспоминаниях он объяснял своей политической активностью: работой в лагерях военнопленных (по заданию Восточного министерства он проводил беседы с военнопленными татарами и башкирами и составлял их списки [Там же, с. 195, 217–261], [6, с. 121–124], а также своей занятостью в редколлегии коллаборационистской газеты «Идель-Урал».

Но уже весной 1942 г. он вновь возвращается к теме публикации книги и 4 апреля 1942 г. направляет заявление на имя декана философского факультета Х. Грапова. Из этого заявления не совсем ясно, когда он отправил свой текст в издательство, об этом здесь сказано несколько туманно: «17 июля 1941 г. я сдал экзамен на доктора и направил диссертацию в издательство „Отто Харассовиц“ в Лейпциге» [30, л. 372]. Но точно указано, что ответ из издательства был направлен ему 19 марта 1942 г., и в нем была выражена готовность опубликовать книгу в случае покры-

тия диссертантом всех издательских расходов, составлявших 800 рейхсмарок.

А. Темир не осмелился просить у университета всю сумму и попросил лишь о выделении ее части – 300 рейхсмарок. Его просьбу декан удовлетворил в тот же день: в кассу университета было дано соответствующее распоряжение, а А. Темиру предложено обратиться туда и предъявить письмо декана для получения денег [Там же, без указания листа].

Следующие два документа датированы 10 сентября 1942 г.: издательство «Отто Харассовиц» сообщило А. фон Габейн и А. Темиру не слишком обнадеживающие новости – издательство получило отказ в получении бумаги для распечатки книги. Причем отказ издательству был сформулирован довольно жестко: «дальнейшая подача заявлений или рекламаций по данному вопросу не имеет смысла. Ответа на подобные вопросы не последует». Представитель издательства выразил мнение, что «отказ связан с тем, что диссертации в настоящее время не должны быть опубликованы». Он предложил А. фон Габейн переговорить с профессором Хельмутом Шеелем, известным исламоведом и тюркологом, занимавшим на тот момент пост директора Прусской Академии наук, и уточнить, не видит ли он выхода из положения [Там же, без указания листа].

Аннемари фон Габейн, очевидно, высоко оценивала научный потенциал Ахмета Темира и активно поддержала его начинание. 15 сентября 1942 г. она обратилась к руководителю гуманитарного отделения Германского исследовательского общества (DFG) Карлу Гриванку с довольно подробным письмом. Она отметила, что «в тюркских языках изначально очень мало союзов, а современные тюркские языки используют многочисленные выражения для соединения предложений и слов».

Среди тюркологов, по ее словам, «уже состоялась дискуссия, можно ли объяснять союзы в турецком языке иранским влиянием», и констатировала, что «эта часть речи никогда не освещалась в монографическом исследовании, т. е. обсуждалась теоретически без недостаточного представления о материале».

А. фон Габейн заметила, что тюркология в каждой из стран имеет свои специфические интересы: «в Венгрии, например, предпочтение отдается изучению западнотюркских проблем, в Болгарии – средневековых турецких историков, во Франции – изучению языка и истории османов», и констатировала, что в Германии интересы исследователей-тюркологов ничем не ограничены, выразив мнение, что «мы в полной мере

продолжаем работы некогда блестящих тюркологов Польши и России и должны их превзойти».

После этого немецкая исследовательница перешла к характеристике работы А. Темира, которого она назвала *Doctor Designatus* (так называли ученого, сдавшего экзамен на доктора, но еще не опубликовавшего диссертацию): «Солидным и убедительным способом и на древнейшем, доступном ему материале автор исследует союзы, так что сейчас вполне возможна плодотворная дискуссия. Работа объемом около 220 машинописных страниц написана на основе полученного в Германии образования и вполне заслуживает внимания немецкой науки».

Фон Габейн просила К. Гриванку оказать содействие в получении издательством разрешения на бумагу для публикации книги А. Темира [Там же, без указания листа].

22 сентября К. Гриванк коротко ответил не самой А. фон Габейн, а директору Прусской Академии науки Х. Шеелю и объяснил отказ в выдаче бумаги условиями военного времени. «Бумага выдается только в случае первоочередной важности публикации», — заметил он [Там же, без указания листа].

5 октября к делу подключился декан философского факультета Х. Грапов. Как будто и не было жесткого отказа в выдаче бумаги! Он обратился в издательство с просьбой опубликовать диссертацию кандидата А. Темира, «поскольку она имеет высокое научное значение и желательна ее публикация». По его словам, Темир обязался предоставить факультету 56 отпечатанных экземпляров, и, поскольку для обменных целей факультету было необходимо нужно еще около 70 экземпляров, Х. Грапов считал целесообразным тираж в 150 экземпляров [Там же, л. 374].

Удивительно, но университетские покровители А. Темира надежды на публикацию не теряли, 21 октября 1942 г. представитель издательства (подпись его неразборчива) писал А. фон Габейн, что во время съезда востоковедов в Берлине (имелся в виду Германский день ориенталиста, который во время войны состоялся лишь один раз — с 30 сентября по 3 октября 1942 г.) к нему обратились профессор Х. Шеель и К. Гриванк, которые поддерживали публикацию и заявили о своей готовности одобрить выдачу бумаги для нее [Там же, л. 375].

Несмотря на оптимизм вовлеченных в это предприятие, дело затягивалось... И последний документ, связанный с попытками публикации диссертации А. Темира, датирован 6 ноября 1942 г. Издательство «Отто Харрасовиц» вновь обратилось к декану Х. Грапову и сообщило, что

«до сегодняшнего дня экономический отдел немецкой книготорговли отказывал в выделении для выпуска книги Темира бумаги». Представитель издательства отметил, что «мы продолжаем прилагать усилия» и пообещал тотчас известить университет в случае успеха [Там же, л. 376].

Успеха, однако, не получилось. Как известно, книга А. Темира, подготовленная на основе его диссертации, в годы войны так и не была опубликована, в неполном виде она увидела свет только в 1956 г. на страницах журнала «*Oriens*» [33].

Весной 1943 г. интерес к научным достижениям Ахмета Темира проявила и турецкая сторона, так как все-таки он являлся гражданином Турции. 12 апреля представитель Инспекции студентов в Центральной Европе (*Orta Avrupa talebe müfettişliği*) (подпись его неразборчива) «любезно просил» ректора Берлинского университета «сообщить о готовности докторской работы студента Ахмета Темира, или же сдал ли он свой экзамен, если да, то с какой оценкой». Ответ ректора последовал 17 апреля: он сообщил, что А. Темир сдал свой экзамен 26 июня с оценкой «хорошо». Как видим, в документе допущена неточность: экзамен был сдан только 17 июля, на 26 июня имелись только отзывы рецензентов. Причем ректор также проинформировал турецкую сторону, что, по его данным, диссертация находилась в печати, что также не соответствовало действительности [30, л. 377–378].

Точка в процессе получения Ахметом Темиром ученой степени доктора после сравнительно долгой паузы была поставлена 2 июля 1943 г. В этот день состоялась публичная защита диссертации. Саму процедуру, количество присутствовавших и выступавших сегодня представить достаточно трудно, в просмотренном мной деле из Архива Университета им. Гумбольдта документов об этом не отложилось. Имеется лишь официальное объявление философского факультета следующего содержания:

«Философский факультет Университета им. Фридриха Вильгельма Берлина в лице ректора профессора ортопедии Лотара Кройца и декана профессора египтологии Херманна Грапова присуждает господину Ахмету Темиру из Эльмет, Казань (Россия) степень доктора философии после того, как он прошел соответствующую процедуру защиты диссертации на тему: (...), а также после устного экзамена и подтвердил свою научную квалификацию и при этом получил общую оценку „хорошо“.

Берлин, 2 июля 1943 г.

Ректор, декан (подписи)» [Там же, без указания листа]

Торжественное заседание, посвященное вручению диплома новоиспеченному доктору, состоялось 22 июля 1943 г. – А. Темир получил документ из рук декана Х. Грапова [5, с. 195].

Так завершился важный этап в научной карьере именитого тюрколога. Понятно, что этот этап пришелся на очень сложный исторический отрезок: подготовка документов и устный экзамен пришлось фактически на первые дни нападения нацистской Германии на Советский Союз. Сам А. Темир в первые месяцы войны оказался втянут в водоворот политических событий: помогал в составлении «тюрко-татарской библиотеки для Института по изучению России, сотрудничал в отделе радиопропаганды Министерства иностранных дел Германии, с июня 1943 г. работал в турецкой редакции германского радиовещания, сотрудничал в газете Волго-татарского легиона «Идель-Урал». Он активно занимался преподавательской деятельностью, преподавал татарский язык в Берлинском университете в зимнем семестре 1941–1942 гг. и читал курсы «Введение в татарский язык», «Татарская грамматика» и «Чтение татарских текстов на латинском и русском шрифтах» общим объемом 10 учебных часов в неделю в зимнем семестре 1943–1944 г., судя по расписанию лекций, он вел курсы «Введение в татарский язык» (4 часа) и «Татарский язык для продвинувшихся студентов» (3 часа в неделю) [6, с. 265].

Некоторые сюжеты, связанные с берлинским этапом своей биографии, А. Темир в воспоминаниях описывает не слишком подробно, что, вероятно, можно объяснить не свойствами памяти, а скорее конкретными политическими и военными реалиями Германии периода национал-социализма и нежеланием акцентировать на них внимание читателей.

Практически сразу же после получения диплома доктора Ахмет Темир покинул Германию. Сам он объяснял возвращение в Турцию тем, что был вызван для прохождения военной службы. Однако, скорее всего, более правильна интерпретация немецкого исследователя Патрика фон Цур Мюлена, считавшего, что причиной довольно таки поспешного отъезда в Турцию стал внутренний конфликт в среде коллаборационистов из представителей мусульманских народов [34, с. 97]. Ахмет Темир, очевидно, в силу своей политической неопытности оказался в эпицентре одного из подобных конфликтов и был вынужден уехать из Германии, что, впрочем, оказалось для него правильным выбором, впоследствии он сосредоточился на тюркологических исследованиях, в которых преуспел и завоевал заслуженный авторитет в научном мире.

Список источников

1. Ахмет Тимер: Возвращение / автор-составитель. Р. Абзалова-Сальманова. Казань: Яз, 2012. 199 с.
2. Ахунов А. М. Ахмет Тимер – выдающийся ученый-тюрколог и монголовед // Тюркологические исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 80–90.
3. Ахунов А. М. Выбрал свободу, но потерял Родину. Судьба татарского ученого Ахмета Тимера на чужбине // Татарстан. 2004. № 9. С. 60–64.
4. Давлет Н. О профессоре Ахмете Тимере // Из истории Альметьевского региона. Вып. 1. Казань: Татполиграф, 1999. С. 199–204.
5. Temir A. Altmış yıl Almanya (1936-1996): Bir yabancının gözü ile geziler- araştırmalar-hatıralar. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1998. 426 S.
6. Гулязов И. А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань: Таткнигоиздат, 2005. 382 с.
7. Turfan, Khotan und Dunhuang: Vorträge der Tagung «Annemarie v. Gabain und die Turfan-forschung», veranstaltet von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften in Berlin (9.-12.12.1994) / R. E. Emmerick, W. Sundermann, I. Warnke, P. Zieme (Eds.). Berlin: Akademie-Verlag, 1996. 417 S.
8. Fedakar D. Maryam apa'nın ardından. Annemarie von Gabain (4.7.1901 – 15.1.1993) // Türk Dili Araştırmaları yillığı. 1993. Cilt 41. S. 135–139.
9. Laut J.P. Annemarie von Gabain // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1995. Nr. 52. S. 367–374.
10. Sertkaya O. Annemarie von Gabain (Maryam Apa)'dan anılar // Bizim külliye. 2017. Nr. 72. S. 7–10.
11. Ölmez M. Annemarie von Gabain // Türk Dilleri Araştırmaları. 1993. Nr. 3. S. 289–292.
12. Vogt A. Eine seltene Karriere: Die Turkologin Annemarie von Gabain // Berlinische Monatsschrift (Luisenstädtischer Bildungsverein). 1999. Heft 6. S. 24–31.
13. Yüce N. Annemarie von Gabain'in eserleri // Türk Dilleri Araştırmaları. 1994. Nr. 4. S. 11–50.
14. Von Gabain A. Özbekische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis. Leipzig: Harrasowitz, 1945. 278 S.
15. Weise-Pötschke S. Entnazifizierung an der Akademie der Wissenschaften // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2019. Nr. 43. S. 26–37.
16. Von Gabain A. Türkische Turfantexte IX: Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch» B mit alttürkischer Übersetzung. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 50 S.
17. Von Gabain A. Einführung in die entlasienkunde. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. 86 S.
18. Von Gabain A. Das uigurische Königreich von Chotscho 850–1250. Berlin: De Gruyter, 1961. 82 S.
19. Von Gabain A. Die Formensprache der uigurischen Malerei. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. 87 S.
20. фон Габен А. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986. С. 294–344.

21. Dietrich A. Richard Hartmann. 8. Juni 1881 – 5. Februar 1965 // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1965. S. 74–82.
22. Roemer H.-R. Richard Hartmann in memoriam (1881–1965) // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1967. Nr. 117. S. 1–10.
23. Hartmann R. Zur Frage nach der Herkunft und den Anfängen des Sufitums // Der Islam. 1916. Nr. 6. S. 31–70.
24. Hartmann R. İyâ Gök Alp's Grundlagen des türkischen Nationalismus // Orientalische Literaturzeitung. 1925. Nr. 9. S. 578–610.
25. Hartmann R. Die Religion des Islam. Berlin: Verlag von E.S. Mittler und Sohn, 1944. 209 S.
26. Hartmann R. Islam und Nationalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1948. 47 S.
27. Hartmann R. Zur Vorgeschichte des abbasidischen Schein-Chalifats von Cairo. Berlin: Akademie-Verlag, 1950. 9 S.
28. Heine P. Die Mullah-Kurse der Waffen-SS // Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945 / Hrsg. Gerhard Höpp und Brigitte Reinwald. Berlin: Verlag Das Arabische Buch, 2000. S. 181–188.
29. van Koningsveld P. Sij. The Training of Imams by the Third Reich // The Study of Religion and the Training of Muslim Clergy in Europe: Academic and Religious Freedom in the 21st Century / Eds. Willem B. Drees, P. Sij. van Koningsveld. Amsterdam: Leiden University, 2008. S. 333–347.
30. Archiv der Humboldt-Universität Berlin, Phil. Fak. 01 Prom., Nr. 934–Temir.
31. Haiger E. Politikwissenschaft und Auslandswissenschaft im «Dritten Reich» – (Deutsche) Hochschule für Politik 1933–1939 und Auslandswissenschaftliche Fakultät der Berliner Universität 1940–1945 // Kontinuitäten und Brüche in der deutschen Politikwissenschaft / Gerhard Göhler, Bodo Seifert (Hrsg.): Baden-Baden: Nomos, 1991. S. 94–136.
32. Bauer W. Erich Haenisch (1880-1966) // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1967. Band 117. S. 205–210.
33. Temir A. Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen // Oriens (Leiden). 1956. IX (1). S. 41-85; Oriens (Leiden). 1956. IX (2). S. 233–280.
34. Von Zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im zweiten Weltkrieg. Düsseldorf: Droste, 1971. 256 S.

References

1. Abzalova-Salmanova, R. (Red.) (2012). *Ahmet Timer: Vozvrashhenie* [Ahmet Timer: The Return]. 199 p. Kazan, Yaz. (In Russian)
2. Akhunov, A. M. (2020). *Ahmet Timer – vydayushchiysya uchenyi-tyurkolog i mongoloved* [Ahmet Timer - an Outstanding Scholar of Turkology and Mongol Studies]. Tyurkologicheskije issledovaniya. T. 3, No. 4, pp. 80–90. (In Russian)
3. Ahunov, A. M. (2004). *Vybral svobodu, no poteryal Rodinu. Sud'ba tatarskogo uchenogo Ahmeta*

- Timera na chuzhbine* [Chose Freedom, but Lost Homeland. The Fate of the Tatar Scientist Akhmet Timer in a Foreign Land]. Tatarstan, No. 9, pp. 60–64. (In Russian)
4. Davlet, N. (1999). *O professore Akhmete Timere* [About Professor Akhmet Timer]. Iz istorii Al'met'evskogo regiona. Vyp. 1. Kazan, Tatpoligraf, pp. 199–204. (In Russian)
5. Temir, A. (1998). *Altmış yıl Almaniya (1936–1996): Bir yabancı'nın gözü ile geziler-araştırmalar-hatıralar* [Sixty Years in Germany (1936–1996): Travels, Research Works and Reminiscences through the Eyes of a Foreigner]. 426 p. Ankara, Kültür Bakanlığı. (In Turkish)
6. Gilyazov, I. A. (2005). *Legion "Idel'-Ural". Predstaviteli narodov Povolzh'ya i Priural'ya pod znamenami "tret'ego reikha"* [The Legion "Idel-Ural". Representatives of the Volga and Urals Peoples under the Banners of the "Third Reich"]. 382 p. Kazan, Tatknigoizdat. (In Russian)
7. Emmerick, R. E., Sundermann, W., Warnke, I., Zieme, P. (Eds.) (1996). *Turfan, Khotan und Dunhuang: Vorträge der Tagung "Annemarie v. Gabain und die Turfan-forschung", veranstaltet von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften in Berlin (9.–12.12.1994)* [Turfan, Khotan and Dunhuang: Papers Presented at the Conference "Annemarie v. Gabain und die Turfan-forschung", Organized by the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities in Berlin (9–12 December 1994)]. 417 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)
8. Fedakar, D. (1993). *Maryam apa'nin arından. Annemarie von Gabain (4.7.1901-15.1.1993)* [After Maryam Apa. Annemarie von Gabain (4.7.1901–15.1.1993)]. Türk Dili Araştırmaları yaylığı, No. 41, pp. 135–139. (In Turkish)
9. Laut, J. P. (1995). *Annemarie von Gabain* [Annemarie von Gabain]. Finnisch-Ugrische Forschungen. No. 52, pp. 367–374. (In German)
10. Sertkaya, O. (2017). *Annemarie von Gabain (Maryam Apa)'dan anılar* [Memories of Annemarie von Gabain (Maryam Apa)]. Bizim külliye. No. 72, pp. 7–10. (In Turkish)
11. Ölmez, M. (1993). *Annemarie von Gabain* [Annemarie von Gabain]. Türk Dilleri Araştırmaları. No. 3, pp. 289–292. (In Turkish)
12. Vogt, A. (1999). *Eine seltene Karriere: Die Turkologin Annemarie von Gabain* [A Rare Career: The Turkologist Annemarie von Gabain]. Berlinische Monatsschrift (Luisenstädtischer Bildungsverein). No. 6, pp. 24–31. (In German)
13. Yüce, N. (1994). *Annemarie von Gabain'in eserleri* [Annemarie von Gabain's Works]. Türk Dilleri Araştırmaları. No. 4, pp. 11–50. (In Turkish)
14. Von Gabain, A. (1945). *Özbekische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis* [Uzbek Grammar with Bibliography, Readings and Dictionary]. 278 p. Leipzig, Harrasowitz. (In German)
15. Weise-Pötschke, S. (2019). *Entnazifizierung an der Akademie der Wissenschaften* [Denazification at the Academy of Sciences]. Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. No. 43, pp. 26–37. (In German)
16. Von Gabain, A. (1958). *Türkische Turfantexte IX: Ein Hymnus an den Vater Mani auf "Tocharisch" B*

mit alttürkischer Übersetzung [Turkish Turfan Texts IX: A Hymn to the Father Mani in "Tocharian" B with Old Turkish Translation]. 50 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

17. Von Gabain, A. (1979). *Einführung in die Zentralasienkunde* [Introduction to Central Asian Studies]. 86 p. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (In German)

18. Von Gabain, A. (1961). *Das uigurische Königreich von Chotscho 850–1250* [The Uyghur Kingdom of Khotscho 850–1250]. 82 p. Berlin, De Gruyter. (In German)

19. Von Gabain, A. (1987). *Die Formensprache der uigurischen Malerei* [The Formal Language of Uyghur Painting]. 87 p. Wiesbaden, Harrassowitz. (In German)

20. Fon Gaben, A. (1986). *Drevnyurkskaya literatura* [Ancient Turkic Literature]. *Zarubezhnaya tyurkologiya*. No. 1, pp. 294–344. (In Russian)

21. Dietrich, A. (1965). *Richard Hartmann. 8. Juni 1881–5. Februar 1965* [Richard Hartmann. 8 June 1881–5 February 1965]. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*, pp. 74–82. (In German)

22. Roemer, H.-R. (1967). *Richard Hartmann in memoriam (1881–1965)* [Richard Hartmann in memoriam (1881–1965)]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. No. 117, pp. 1–10. (In German)

23. Hartmann, R. (1916). *Zur Frage nach der Herkunft und den Anfängen des Sufitums* [On the Origins and Nature of Sufism]. *Der Islam*. No. 6, pp. 31–70. (In German)

24. Hartmann, R. (1925). *Ziya Gök Alp's Grundlagen des türkischen Nationalismus* [Ziya Gök Alp's Foundations of Turkish Nationalism]. *Orientalische Literaturzeitung*. No. 9, pp. 578–610. (In German)

25. Hartmann, R. (1944). *Die Religion des Islam* [The Religion of Islam]. 209 p. Berlin, Verlag von E. S. Mittler und Sohn. (In German)

26. Hartmann, R. (1948). *Islam und Nationalismus* [Islam and Nationalism]. 47 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

27. Hartmann, R. (1950). *Zur Vorgeschichte des abbasidischen Schein-Chalifats von Cairo* [The Pre-

history of the Abbasid Sham Chaliphate of Cairo]. 9 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

28. Heine, P. (2000). *Die Mullah-Kurse der Waffen-SS* [The Mullah Courses of the Waffen-SS]. Gerhard Höpp; Brigitte Reinwald (Eds.) *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945*. Pp. 181–188. Berlin, Verlag Das Arabische Buch. (In German)

29. Van Koningsveld, P. Sj. (2008). *The Training of Imams by the Third Reich*. Willem B. Drees, P. Sj. van Koningsveld (Eds.) *The Study of Religion and the Training of Muslim Clergy in Europe: Academic and Religious Freedom in the 21st Century*. Pp. 333–347. Amsterdam, Leiden University. (In English)

30. *Archiv der Humboldt-Universität Berlin, Phil. Fak.* 01 Prom., Nr. 934 – Temir. (In German)

31. Haiger, E. (1991). *Politikwissenschaft und Auslandswissenschaft im "Dritten Reich" – (Deutsche) Hochschule für Politik 1933–1939 und Auslandswissenschaftliche Fakultät der Berliner Universität 1940–1945* [Political Science and Foreign Studies in the "Third Reich" - (German) School of Politics 1933–1939 and the Faculty of Foreign Studies at Berlin University 1940–1945]. Gerhard Göhler; Bodo Euner (Eds.) *Kontinuitäten und Brüche in der deutschen Politikwissenschaft*. Pp. 94–136. Baden-Baden, Nomos. (In German)

32. Bauer, W. (1967). *Erich Haenisch (1880–1966)* [Erich Haenisch (1880–1966)]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. No. 117, pp. 205–210. (In German)

33. Temir, A. (1956). *Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen* [Conjunctions and Sentence Introductions in Old Turkish]. *Oriens* (Leiden), No. IX (1), pp. 41–85; No. IX (2), pp. 233–280. (In German)

34. Von Mühlen, P. (1971). *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg* [Between the Swastika and the Soviet Star. The Nationalism of the Soviet Oriental Peoples during World War II]. 256 p. Düsseldorf, Droste. (In German)

The article was submitted on 28.04.2024

Поступила в редакцию 28.04.2024

Гилязов Искандер Аязович,
доктор исторических наук,
профессор,
Академия наук Республики Татарстан,
Институт Татарской энциклопедии
и регионоведения им. М. Х. Хасанова,
420015, Россия, Казань,
Пушкина, 56.
gilyazov1958@mail.ru

Gilyazov Iskander Ayazovich,
Doctor of History,
Professor,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Institute of Tatar Encyclopedia and
Regional Studies named after M. H. Hasanov,
56 Pushkin Str.,
Kazan, 420015, Russian Federation.
gilyazov1958@mail.ru